

Святитель Григорий Богослов

Слово 20. О поставлении епископов и о догмате Святой Троицы

Когда смотрю на усиливающуюся ныне болезнь языка, на скороспелых мудрецов, на производимых вновь богословов, для которых довольно только захотеть, чтобы стать мудрыми, тогда ощущаю потребность высшего любомудрия, ищу с Иеремию *пристанища последнего* (Иер.9:2), и желаю быть один с самим собой. Ибо для меня всего кажется лучше, замкнув как бы чувства, отрешившись от плоти и мира, без крайней нужды не касаясь ни до чего человеческого, беседуя с самим собой и с Богом, жить превыше видимого, всегда носить в себе божественные образы, чистые, не смешанные с дольными и обманчивыми впечатлениями, быть и непрестанно делаться как бы неомраченным зеркалом Бога и божественного, приобретать ко свету свет - к менее ясному лучезарнейший; пока не взойдем к Источнику тамошних озарений и не достигнем блаженного конца, когда действительность сделает ненужными зеркала. Поэтому едва ли кто в состоянии преодолеть влекущее долу вещество, разве уже обучил себя долговременным любомудрием, и постепенно отторгал от низкого и сопряженного с тьмой, что есть в душе благородного и световидного, или удостоился Божией милости, или, сверх того и другого, прилагал всевозможное старание вознести взор свой горе. А пока нет сил преодолеть вещественное, достаточно очистить слух и мысли; до тех пор не безопасно принимать на себя попечение о душах и вдаваться в богословствование.

И чем приведен я в такой страх? Не почитите меня боязливым сверх меры; напротив, похвалите даже мою предусмотрительность. От самого Моисея слышу, что, когда беседовал с ним Бог, хотя и многие призваны на гору, а в числе их и Аарон с двумя сынами, священниками, однако же повелено было, чтобы прочие поклонились издавеча, а к Богу приступил один Моисей, народу же не дозволено и восходить на гору (Исх.24:1.2). И не задолго до этого молнии, громы, трубы, вся гора дымящаяся, страшные угрозы и другие подобные грозные явления удерживали народ внизу горы, и для него много было, по надлежащем очищении, слышать один глас Божий. Между тем Моисей и на гору восходит, и вступает внутрь облака, и приближается к Богу, и приемлет закон, - для народа закон написанный, а для тех, которые выше народа, закон духа. Знаю также, что было со священником Илиеем и несколько после него с Озой. Первый понес наказание за беззаконие детей, на которое они отваживались при жертвоприношениях, хотя не только не одобрял их нечестия, но многократно делал им строгие выговоры. Другой дерзнул только прикоснуться к Киоту, увлекаемому тельцом, и хотя поддержал Киот, но сам погиб; так Бог охранял неприкосновенность Киота! Знаю еще, что простому народу не безопасно было прикасаться к стенам храма, почему и нужны стали другие внешние стены (3Цар.6:5). И сами жертвы потреблять позволялось не всякому, не во всякое время и не на всяком месте, тем более не дерзали часто входить во Свята Святых, и не только прикасаться, но даже простирать взор к завесе, или к очистилищу, или к Киоту. Зная все это, а вместе и то, что не достоин великого Бога и Жертвы, и Архиерея, кто не представит себя самого в живую жертву Богу, или, лучше сказать, сам не сделается святым и живым храмом живого Бога, - зная все это, мог ли я как сам необдуманно приступить к преподаванию учения о Боге, так и одобрить приступающего к этому дерзновенно? И желание непохвально, и предприятие трудно!

Поэтому надобно очистить сперва самих себя, а потом уже беседовать с Чистым. Иначе испытаем на себе то же, что было с Маноем, и узрев явившегося Бога, должны будем сказать: погибли мы, жена, *ибо Бога видели* (Суд.13:22)! Или, подобно Петру, станем высылать с корабля Иисуса, как недостойные такого посещения. Или, подобно сотнику, будем просить врачевания, но не примем Врача. Конечно, и из нас иной (пока он - сотник, над многими первенствует во зле, и служит еще кесарю - миродержителю влекомых долу)

скажет о себе: *я не достоин, чтобы ты под покров мой вошел* (Мф.8:8). Но когда увижу Иисуса, хотя мал я ростом духовно, подобно Закхею, однако же взойду на смоковницу, *умертвив земные члены* (Кол.3:5) и *измождив тело уничиженное* (Флп.3:20); тогда и Иисуса приму к себе и услышу: *ныне пришло спасение дому этому* (Лк.19:9); тогда действительно получу спасение, начну совершеннее любомудрствовать прекрасно, расточая собранное мной худо, то есть и деньги и учение.

Поскольку же определено мной в слове, каков должен быть богослов, то предложу краткое учение о Боге, уповая на помощь самого Отца и Сына и Святого Духа, о Которых у нас слово. Но молю Бога, чтобы мне о Нем, подобно Соломону, и не помыслить и не произнести чего-либо собственного. Ибо когда Соломон говорит: *я более невежда нежели кто-либо из людей, и разума человеческого нет у меня* (Притч.30:2), конечно, не с тем намерением говорит это, чтобы изобличить совершенное свое неразумие. Ибо возможно ли оно в том, кто больше всего просил себе у Бога смысленности и получил мудрость и дар созерцания, и широту сердца - обильнее и неисчерпнее песка морского (3Цар.3:29)? И как бы тот, кто был столь мудр и сподобился такого дара, стал называть себя безумнейшим из людей, если не в том смысле, что в нем нет собственной своей мудрости, действует мудрость Божия и совершеннейшая? И Павел, когда говорит: *живу не я, но живет во мне Христос* (Гал.2:20), - понимает не то, что он совершенно мертв, но что живет жизнью совершеннейшей, чем многие другие, потому что он стал причастен истинной жизни, которой не полагает предела никакая смерть.

Итак, мы поклоняемся Отцу и Сыну и Святому Духу, разделяя личные свойства и соединяя Божество. Не смешиваем трех (ипостасей) в одно, чтоб не впасть в недуг Савеллиев, и единого не делим на три (сущности), разнородные и чуждые друг другу, чтобы не дойти до Ариева безумия. Ибо для чего, как растение, скривившееся на одну сторону, со всем усилием перегибать в противную сторону, исправляя кривизну кривизной, а не довольствоваться тем, чтобы, выпрямив только до середины, остановиться в пределах благочестия? Когда же говорю о середине, имею в виду истину, которую одну и должно иметь в виду, отвергая как неуместное смешение так и еще более нелепое разделение. Ибо в одном случае, из страха многобожия сократив понятие о Боге в одну ипостась, оставим у себя одни голые имена, признавая, что один и тот же есть и Отец, и Сын, и Святой Дух и, утверждая не столько то, что все Они одно, сколько то, что каждый из Них ничто, потому что, переходя и переменяясь друг в друга, перестают уже быть тем, что Они сами в Себе. А в другом случае, разделяя Божество на три сущности, или (по Ариеву, прекрасно так называемому, безумию), одна другой чуждые, неравные и отдельные, или безначальные, не соподчиненные и, так сказать, противобожные, то предадимся иудейской скудости, ограничив Божество одним нерожденным, то впадем в противоположное, но равное первому зло, предположив три начала и трех Богов, что еще нелепее предыдущего.

Не должно быть таким любителем Отца, чтобы отнимать у Него свойство быть Отцом. Ибо чьим будет Отцом, когда отстраним и отчуждим от Него вместе с тварью и естество Сына? Не должно быть и таким Христолюбцем, чтобы даже не сохранить у Него свойства - быть Сыном. Ибо чьим будет Сыном, если не относится к Отцу, как виновнику? Не должно в Отце умять достоинства - быть началом, принадлежащего Ему, как Отцу и Родителю. Ибо будет началом чего-то низкого и недостойного, если он не виновник Божества, созерцаемого в Сыне и Духе. Не нужно все это, когда надобно и соблюсти веру в единого Бога, и исповедовать три Ипостаси, или три Лица, притом - каждое с личным Его свойством. Соблюдается же, по моему рассуждению, вера в единого Бога, когда и Сына и Духа будем относить к единому Виновнику (но не слагать и не смешивать с Ним), - относить как по одному и тому же (назову так) движению и хотению Божества, так и по

тождеству сущности. Соблюдается вера и в три Ипостаси, когда не будем вымышлять никакого смешения или слияния, вследствие которых у чествующих более, чем должно, одно, могло бы уничтожиться все. Соблюдутся и личные свойства, когда будем представлять и нарицать Отца безначальным и началом (началом, как Виновника, как источник, как присносущный Свет); а Сына - нимало не безначальным, однако же и началом всяческих.

Когда говорю - началом, ты не привноси времени, не ставь чего-либо среднего между Родившим и Рожденным, не разделяй естества худым вложением чего-то между совечными и сопребывающими. Ибо если время старше Сына, то, без сомнения, Отец стал виновником времени прежде, нежели - Сына. И как был бы Творцом времен Тот, Кто сам под временем? Как был бы Он Господом всего, если время Его упреждает и Им обладает? Итак, Отец безначален; потому что ни от кого иного, даже от Себя самого не заимствовал бытия [1]. А Сын, если представляешь Отца виновником, не безначален (потому что началом Сыну Отец, как виновник); если же представляешь себе начало относительно ко времени - безначален (потому что Владыка времен не имеет начала во времени).

А если из того, что тела существуют во времени, заключишь, что и Сын должен подлежать времени; то бестелесному припишешь и тело. И если на том основании, что рождающееся у нас прежде не существовало, а потом приходит в бытие, станешь утверждать, что и Сыну надлежало из небытия прийти в бытие, то уравниешь между собой несравнимое - Бога и человека, тело и бестелесное. В таком случае Сын должен и страдать, и разрушаться, подобно нашим телам. Ты из рождения тел во времени заключаешь, что и Бог так рождается; а я заключаю, что Он рождается не так, из того самого, что тела так рождаются. Ибо что не сходно по бытию, то не сходно и в рождении; разве допустишь, что Бог и в других отношениях подлжит законам вещества, например, страдает и скорбит, жаждет и алчет, и терпит все, свойственное как телу, так вместе и телу и бестелесному. Но этого не допускает твой ум; потому что у нас слово о Боге. Поэтому и рождение допускай не иное, как Божеское.

Но спросишь: если Сын рожден, то как рожден? Отвечай прежде мне, неотступный совопросник: если Он сотворен; то как сотворен? А потом и меня спрашивай: как Он рожден? Ты говоришь: "И в рождении страдание, как страдание в сотворении. Ибо без страдания ли бывает составление в уме образа, напряжение ума и представленного совокупно разложение на части? И в рождении также время как творимое создается во времени. И здесь место, и там место. И в рождении возможна неудача, как в сотворении бывает неудача (у вас слышал я такое умствование); ибо часто, что предназначал ум, того не выполняли руки". Но и ты говоришь, что все составлено словом и хотением. *Ибо Он сказал, - и сделалось; Он повелел, - и явилось* (Пс.32:9). Когда же утверждаешь, что создано все Божиим словом; тогда вводишь уже не человеческое творение. Ибо никто из нас производимого им не совершает словом. Иначе, не было бы для нас ничего ни высокого, ни трудного, если бы стоило только сказать, и за словом следовало исполнение дела. Поэтому, если Бог создаемое Им творит словом, то у Него не человеческий образ творения.

И ты, или укажи мне человека, который бы совершил что-нибудь словом, или согласишься, что Бог творит не как человек. Предначертай по воле свой город; и пусть явится у тебя город. Пожелай, чтобы родился у тебя сын; и пусть явится младенец. Пожелай, чтобы совершилось у тебя что-либо другое; и пусть желание обратится в само дело. Если же у тебя не следует ничего такого за хотением, между тем как в Боге хотение есть уже действие, то ясно, что иначе творит человек, и иначе - Творец всего - Бог. А если Бог творит не по-человечески: то как же требуешь, чтобы Он рождал по-человечески? Ты

никогда не был, потом начал бытие, а после и сам рождаешь, и таким образом приводишь в бытие то, что не существовало, или (скажу тебе нечто более глубокомысленное) может быть, и сам ты производишь не то что не существовало. Ибо и Левий, как говорит Писание, был *еще в чреслах отца* (Евр.7:10), прежде нежели произошел на свет. И никто да не ловит меня на этом слове, я не говорю, что Сын так произошел от Отца, как существовавший прежде в Отце, и после уже приходящий в бытие; не говорю, что Он сперва был несовершен, а потом стал совершенным, каков закон нашего рождения. Делать такие привязки - свойственно людям неприязненным, готовым нападать на всякое произнесенное слово. Мы не так умствуем; напротив, исповедуя, что Отец имеет бытие нерожденно (а Он всегда был, и ум не может представить, чтобы когда-либо не было Отца), исповедуем вместе, что и Сын был рожден, так что совпадают между собой и бытие Отца и рождение Единородного, от Отца сущего, и не после Отца, разве допустим последовательность в одном только представлении о начале, и о начале, как о Виновнике (не раз уже возвращаю к тому же слову дебелость и чувственность твоего разума).

Но ежели без пытливости принимаешь рождение (когда так должно выразиться) Сына, или Его самостоятельность (*υπόστασις*), или пусть изобретет кто-нибудь для этого другое, более свойственное предмету речение (потому что умопредставляемое и изрекаемое превосходит способы моего выражения), то не будь пытлив и касательно исхождения Духа. Достаточно для меня слышать, что есть Сын, что Он от Отца, что иное Отец, иное Сын; не любопытствую об этом более, чтобы не подпасть тому же. Что бывает с голосом, который от чрезмерного напряжения прерывается, или со зрением, которое ловит солнечный луч. Чем кто больше и подробнее хочет видеть, тем больше повреждает чувство, и в какой мере рассматриваемый предмет превышает объем зрения, в такой человек теряет саму способность зрения, если захочет увидеть целый предмет, а не такую часть его, какую мог бы рассмотреть без вреда. Ты слышишь о рождении: не допытывайся знать, каков образ рождения. Слышишь, что Дух исходит от Отца: не любопытствуй знать, как исходит.

Но если любопытствуешь о рождении Сына и об исхождении Духа; то полюбопытствую и я у тебя о соединении души и тела: как ты - и перст, и образ Божий? Что в тебе движущее, или движимое? Как одно и то же и движет, и движется? Как чувство пребывает в том же человеке и привлекает внешнее? Как ум пребывает в тебе и рождает понятие в другом уме? Как мысль передается посредством слова? Не говорю о том, что еще труднее. Объясни вращение неба, движение звезд, их стройность, меры, соединение, расстояние, пределы моря, течение ветров, перемены времен года, излияние дождей. Ежели во всем этом ничего не понимаешь ты, человек (уразумеешь же, может быть, со временем, когда достигнешь совершенства, ибо сказано: *взираю на небеса, дело рук Твоих* (Пс.8:4), а из этого можно догадываться, что видимое теперь - не сама истина, но только образ истины; ежели и о себе самом не познал - кто ты, рассуждающий об этих предметах; ежели не постиг и того, о чем свидетельствует даже чувство, то как же предпримешь узнать в подробности, что такое и как велик Бог? Это показывает великое неразумие!

Если же поверишь несколько мне, не дерзновенному богослову, то скажу тебе, что одно ты уже постиг, а чтобы постигнуть другое, о том молись. Не пренебрегай тем, что в тебе; а прочее пусть остается в сокровищнице. Восходи посредством дел, чтобы через очищение приобретать чистое. Хочешь ли со временем стать богословом и достойным Божества? Соблюдай заповеди и не выступай из повелений. Ибо дела, как ступени, ведут к созерцанию. Трудись телом для души. И может ли кто из людей стать настолько высоким, чтобы прийти в меру Павлову? Однако же и он говорит о себе, что видит только *сквозь тусклое стекло, гадательно*, и что наступит время, когда узрит *лицом к лицу* (1Кор.13:12). Положим, что на словах и превосходим мы иного любомудрием, однако же, без всякого

сомнения, ты ниже Бога. Может быть, что ты и благоразумнее другого; однако же перед истиной в такой же мере ты мал, в какой бытие твое отстоит от бытия Божия. Нам дано обещание, что познаем некогда, как сами познаны (1Кор.13:12). Если невозможно иметь мне совершенного познания здесь; то что еще остается? чего могу надеяться? Без сомнения, скажешь - небесного царства. Но думаю, что оно есть не что иное, как достижение чистейшего и совершеннейшего. А совершеннейшее из всего существующего есть ведение Бога. Это-то ведение частью да храним, частью да приобретаем, пока живем на земле, а частью да сберегаем для себя в тамошних сокровищницах, чтобы в награду за труды приять всецелое познание Святой Троицы, что Она, какова и колика (если позволено будет выразиться так), в самом Христе Господе нашем, Которому слава и держава во веки веков, аминь.

Примечания:

1. Если бы Отец происходил сам от Себя, то мог бы он быть отделяем сам от Себя, так что в одном могли бы мы представлять двух - одного предсуществовавшего и другого, из Него происходящего.

Григорий Богослов. Собрание творений: в 2т. Т.1. - Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000, с. 361-370.
